

Обско-угорская этническая мобилизация

Е. П. Мартынова

*ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»,
г. Тула, Российская Федерация
ep_martynova@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается феномен этнической мобилизации на обско-угорских материалах, который ранее не подвергался специальному изучению. Анализируется роль общественных организаций и практик этновозрождения, направленных на поддержание этнической идентичности хантов и манси. Раскрывается стратегия участия общественных лидеров из числа коренных народов Югры в политических процессах конца XX – начала XXI вв.

Цель статьи: исследовать процессы, инициированные этнической интеллигенцией, по формированию групповой сплочённости коренных народов ХМАО – Югры.

Материалы исследования: работа основывается на наблюдениях автора в ходе этнографических экспедиций в Ханты-Мансийский округ в период 1988 – 2002 годов.

Результаты и научная новизна. Выявлены факторы, способствующие возрождению этнической мобилизации. Во-первых, перенос общественного дискурса в область партнёрских отношений с органами государственной власти. Во-вторых, организационное оформление традиционной хозяйственной деятельности путём создания родовых общин как особых органов хозяйствования и самоопределения, сохранения традиционного образа жизни и культуры. В-третьих, развёртывание масштабного этнокультурного движения, и как следствие – актуализация религиозных ценностей, этнопросветительская деятельность среди молодёжи и школьников, а также установление международных связей с представителями финно-угорских народов, что способствовало повышению статуса этнических культур.

Определена особенность обско-угорской этнической мобилизации, которая выражалась не в массовых протестных движениях, а в групповых и персональных креативных инициативах. Главной политической силой мобилизованной этничности выступили общественные организации округа, прежде всего, Ассоциация «Спасение Югры», объединившие наиболее активную часть интеллектуальной этнической элиты. Созидательная активность сплотила представителей коренных народов округа, появилась новая внеэтническая идентичность – представители обских угров (ханты, манси) стали называть себя «коренными», «аборигенами».

Новым в изучении мобилизации этничности является то, что большинство исследований по этой проблеме проводилось в регионах, в которых была ситуация межэтнического конфликта, а Югра была и остаётся толерантным регионом.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, коренные народы Севера, этническая мобилизация, этничность, этническая интеллигенция, общественные организации.

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски», рук. Е. А. Пивнева).

Для цитирования: Мартынова Е. П. Обско-угорская этническая мобилизация // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 363–372.

Ob-Ugric ethnic mobilization

E. P. Martynova

*Tula State Pedagogical University Lev Tolstoy,
Tula, Russian Federation,
ep_martynova@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction. The article deals with the phenomenon of ethnic mobilization on Ob-Ugric materials, which has not previously been subjected to special study. The role of social organizations and ethno-generation practices, aimed at maintaining the ethnic identity of the Khanty and Mansi, is analyzed. The strategy of participation of social leaders from a number of the indigenous peoples of Yugra in the political processes of the late XX – early XXI centuries is revealed.

Objective: to research the processes, initiated by the ethnic intelligentsia, on the formation of group cohesion of the indigenous peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.

Research materials: the article is based on the observations of the author during the ethnographic expeditions to the Khanty-Mansiysk Okrug in the period 1988–2002.

Results and novelty of the research. In the article the following factors, contributing to the revival of ethnic mobilization, are revealed: firstly, the transfer of public discourse in the field of partnerships with government authorities; secondly, the organizational registration of traditional economy by creation of the tribal communities as special economic and self-determination bodies and preservation of the traditional way of life and culture; thirdly, the development of a large-scale ethnocultural movement, and as a result, the actualization of religious values, ethnic educational activity among young people and schoolchildren, as well as the development of international relations with representatives of the Finno-Ugric peoples, which contributed to the improvement of the status of ethnic cultures.

The specificity of the Ob-Ugric ethnic mobilization was determined. It was realized not in mass protest movements, but in group and personal creative initiatives. The public organizations of the Okrug (first of all, the «Yugra Rescue» Association), which united the most active part of the intellectual ethnic elite had become the main political power of the mobilized ethnicity. Creative activity had united the representatives of the indigenous people of the Okrug; a new non-ethnic identity emerged – the representatives of the Ob Ugrians (Khanty, Mansi) began to call themselves «indigenous» and «aborigines».

New in the study of the mobilization of ethnicity is the fact that most of the research on this topic was carried out in regions in which situation of inter-ethnic conflict were registered. In this aspect, Yugra was and remains a tolerant region.

Key words: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, indigenous people of the North, ethnic mobilization, ethnicity, ethnic intelligentsia, public organizations.

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the of the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-05-60040 «New Technologies and Social Institutions of the Indigenous Peoples of the Russian Arctic: Opportunities and Risks») (scientific adviser E. Pivneva).

For citation: Martynova E. P. Ob-Ugric ethnic mobilization // Vestnik Yugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (2): 363–372.

Введение

В понятийный аппарат этнологии термин «этническая мобилизация» попал благодаря М. Н. Губогло. В 1990-е годы были проведены исследования по этой тематике, ориентированные на изучение проблем языка, этничности в России и на постсоветском пространстве (преимущественно в Поволжье, Крыму и Молдавии) [2; 19]. Применительно к коренным народам Севера Западной Сибири понятие «этническая мобилизация» было использовано Е. Ю. Кошелевой при создании периодизации этнических движений [7]. Она назвала так первый этап их активности в конце 1980 – начале 1990-х годов, для которого было характерно организационное оформление в формате культурно-просветительных

обществ, рост числа приверженцев, определение места в общественно-политической жизни регионов, претензии на выражение политических интересов всех коренных народов [7, 240–248]. В целом же феномен этнической мобилизации на обско-угорских материалах не подвергался специальному изучению, хотя многие аспекты проблемы получили освещение в трудах Е. А. Пивневой, которая исследовала институты и практики «этновосстановления», т.е. стратегии, воспроизводящие и поддерживающие этническую идентичность хантов и манси [15]. Е. В. Перевалова изучила процессы этнического возрождения в ХМАО–Югре с позиций власти и этничности, раскрыв роль этнических лидеров в политических процессах конца XX – начала XXI вв. [14].

Материалы и методы

Работа основывается на наблюдениях автора в ходе этнографических экспедиций в Березовский, Октябрьский, Ханты-Мансийский, Нефтеюганский, Сургутский районы округа в период 1988 – 2002 годов. В те годы автор принимала участие во многих мероприятиях, проводившихся в ХМАО, впечатления от которых также помогли написать эту работу. В основе инструментария исследования лежит конструктивистский подход к феномену этничности, который сочетается с традиционалистскими взглядами.

Результаты

Как заметила Е. А. Пивнева, «в ХМАО начало процессов “этнического возрождения” связано с созданием общественной организации “Спасение Югры”» [15, 85]. Она была образована на волне общественного подъёма в стране в августе 1989 г. активистами, воодушевлёнными движениями коренных народов за рубежом. У истоков организации стояли Т. С. Гоголева, Т. А. Молданова, Р. С. Ользина, Н. Г. Алексеева, З. С. Рябчикова и др. По мнению М. Балзер, Ассоциация зародилась на «матриархате нового стиля» и на дружбе женщин [22, 148, 149]. Этих и других политиков из этнических лидеров вдохновляла идея этнокультурного возрождения коренных народов, интерес к самобытности которых заметно проявился на общегосударственном уровне. В этой связи стоит упомянуть имя Е. А. Гаер, чьи выступления как народного депутата СССР смотрела вся страна.

Основные задачи «Спасения Югры» были декларированы как консолидация коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) округа; защита их среды обитания; сохранение этнической самобытности, уклада жизни, культуры; обеспечение системы защиты (правовой, социальной, экономической), установление самоуправления, обеспечивающего самостоятельное определение приоритетов своего развития; осуществление взаимодействия с правительством округа, муниципальными органами, укрепление связей в финно-угорском мире [12]. Так, наряду с другими народами СССР, КМНС Югры публично заявили

о своих интересах и намерении их отстаивать. Цели демонстрировали стремление к отказу от советской политики патернализма и перехода к партнёрским отношениям с государственной и региональной властью. Деятельность Ассоциации разворачивалась на фоне активности общероссийских и международных организаций, выражавших интересы коренных народов Севера. Е. В. Первалова обратила внимание на то, что этнические лидеры ХМАО (наряду с ЯНАО) ярко проявили себя в значительной степени благодаря причастности к землепользованию и природопользованию в районах стратегической экономической значимости – нефтегазоносных провинциях [14, 330].

Не случайно этническая мобилизация в ХМАО началась с разворота в общественном дискурсе к традиционному землепользованию и хозяйству КМНС. В годы «перестройки» вопросы землеустройства и самоуправления стали центральными как для общественных деятелей, так и учёных [13; 17; 20]. В 1989 г. в округе было принято решение «Об образовании территорий приоритетного природопользования коренного населения», утверждённое в 1990 г. решением Совета народных депутатов ХМАО. Этим же решением был утверждён Статус территории приоритетного природопользования (ТПП) коренного населения ХМАО. В документах подчёркивалось, что такие территории создавались с целью обеспечения условий сохранения и развития исторически сложившихся отраслей хозяйствования (оленоводства, охоты, рыболовства, звероводства, сбора и переработки дикоросов) как материальной основы жизнеобеспечения и духовной культуры народов Севера» (Ст. 1). Принятие официальных постановлений вызвало общественный резонанс. Не только этнические лидеры, но и власти на местах обратили серьёзное внимание на необходимость всяческой поддержки традиционных отраслей хозяйства коренных народов. Выделенные территории приоритетного природопользования были закреплены за предприятиями – госпромпромами, коопзверпромпромами, оленеводческими совхозами, рыбколхозами, т.е. структурами, в которых на тот момент были представлены охотничий промысел, рыболовство, оленеводство. Общая площадь ТПП составила около трети территории округа. Распределение

по районам выглядело следующим образом: Сургутский – 27,3% от общеотведённых земель, Нижневартовский – 18,6%, Белоярский – 18,3%, Берёзовский – 13,5%, Кондинский – 9,6%, Ханты-Мансийский – 5,8%, Нефтеюганский – 5,2%, Октябрьский – 1,7% [8, 101].

В 1992 г., в ХМАО было утверждено «Положение о статусе родовых угодий». Оно разрабатывалось в целях дальнейшего воплощения прав КМНС на защиту исконной среды обитания, возрождение традиционного хозяйствования, сохранение и развитие самобытной культуры. В Положении «родовые угодья» были определены как естественно-природный комплекс территорий, на которых исторически сложился образ жизни и формы традиционного хозяйствования коренных жителей ХМАО (Ст. 1). Большая часть родовых угодий в округе была отведена в 1992 – 1994 гг. в пожизненное наследуемое владение. Позже они стали передаваться коренному населению на условиях аренды сроком от пяти до двух лет.

По данным на 2001 г., в ХМАО было закреплено 477 родовых угодий общей площадью 13,825 млн. га, что составляло 25,8% территории округа. Больше всего «родовых угодий» было выделено в Сургутском и Нижневартовском районах [8, 103]. Нужно признать, что распределение РУ по районам в определённой степени отражало степень сохранности традиционных отраслей хозяйства на конец XX в.

В восточных районах округа проживало больше всего семей, занимавшихся традиционными для обских угров таёжным оленеводством, охотой и рыболовством. Жители бассейнов Агана, Тромъегана, Пима, Ваха, Югана в советские времена считались работниками колхозов или совхозов, промыслово-охотничьих хозяйств (ПОХ), но реально промыслы рыбы и зверя вели индивидуально (силами семьи), а оленеводство и вовсе практиковалось только как «личное» или, говоря современным языком, частное. К тому же здесь сохранялся «исконный» для таёжных жителей принцип расселения группами из нескольких семей, чаще родственников. Эти обстоятельства сказались на том, что восточные ханты и лесные ненцы первыми заявили о своём желании вести традиционное хозяйство на землях предков. Нужно упомянуть и том, что к такому выбору их в значительной степени подталкивал

экономический кризис рубежа 1980 – 1990-х годов, приведший к падению производства на большинстве предприятий аграрно-промышленного комплекса. В начале 1990-х годов колхозно-совхозная система развалилась, прекратили деятельность ПОХи, в результате сотни семей КМНС оказались безработными и перешли на режим самообеспечения. Коренные жители Сургутского и Нижневартовского районов сделали ставку на занятие оленеводством, которое показалось своеобразным «спасательным кругом», поскольку давало возможность выживания силами отдельных семей в условиях безработицы. Во многом это было связано с невозможностью организовать собственными силами сбыт «чёрной» рыбы, которую добывали по обским притокам. Спрос на пушнину также упал, что существенно снизило значимость доходов от охотничьего промысла. Ориентация на оленеводство была замечена активистами из числа КМНС, которые сочли сохранение и поддержку оленеводства одной из важных задач. Политиков поддержали представители власти, которым пришлось столкнуться с массовой безработицей среди КМНС на фоне повышенного внимания к ним со стороны общественности. В 1989 г. в Сургутском районе было закуплено за пределами округа 300 голов оленей, которые были распределены среди безоленных и малооленных семей. Всего в период 1997 – 2001 гг. в ХМАО было закуплено 3800 оленей [4, 91].

Ш. Дудек подметил, что у сургутских хантов олень и оленеводство стали символом традиционного образа жизни [4, 91]. Занятие частным оленеводством приобрело знаковое значение и для хантов Нижневартовского, Белоярского районов. В период 1990 – начала 2000-х годов в округе отмечался своеобразный оленеводческий бум. Некоторые семьи коренных народов пытались возродить утраченные в советские времена навыки выпаса оленей, но не всегда достигали цели. Многие олени гибли из-за недостатка профессиональных навыков ухода и выпаса. В Белоярском, Сургутском, Нефтеюганском и Нижневартовском районах упор делался на развитие частных оленеводческих хозяйств. В Берёзовском районе в начале 1990-х годов обсуждался вопрос о возрождении отгонного крупностадного оленеводства на Северной Сосьве (в дер. Кимкьясуй

и Нильдино, где стадо существовало до 1961 г.). Однако отсутствие опытных пастухов среди манси не позволило реализовать идею о возвращении сосьвинского стада из Саранпауля [16, 51–52]. На протяжении 1990-х годов численность оленей в округе падала. Так, в 1990 г., по официальным данным, насчитывалось 32,3 тыс. голов, в 1999 г. – 25,1 тыс. голов. В 2004 г. в округе был принят Закон «О развитии северного оленеводства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», который ориентирован на развитие этой отрасли. Об эффективности предусмотренных Законом мер свидетельствует тот факт, что поголовье оленей стало увеличиваться. К 2015 г. оно выросло до 39,2 тыс. голов [5].

Для реализации идеи о возрождении и развитии традиционного хозяйствования в округе, наряду с Ассоциацией «Спасение Югры», были созданы общественные организации: «Союз оленеводов-частников», активность которого направлена на сохранение оленеводства как особой культурной среды и координацию деятельности оленеводческих хозяйств, «Союз общин коренных малочисленных народов Севера», устав которого предполагает сохранение и развитие традиционных отраслей хозяйствования. Традиционные виды хозяйственной деятельности способствуют поддержанию этнической самобытности КМНС, ведь другие народы слабо представлены в них (а в оленеводстве отсутствуют вовсе). Именно этим во многом объясняется пристальное внимание к их развитию со стороны этнических лидеров и органов власти разных уровней, что декларировано во многих официальных документах. Традиционным видам хозяйственной деятельности отводится роль «этнообразующих» и «этносохраняющих» [15, 86].

Параллельно с вопросами землепользования в начале 1990-х годов в ХМАО решались задачи организационного оформления традиционной хозяйственной деятельности коренных народов. Большие надежды тогда возлагались на создание родовых общин как особых органов хозяйствования и самоуправления. Лидером в общинном движении выступил Берёзовский район, где почти все родовые угодья были закреплены за общинами. По данным за 1993 г., там были зарегистрированы следующие общины: «Войтехово» (Берёзовский п/с),

«Кимкьясуй» (Сосьвинский п/с), «Мишне» (Тегинский с/с), «Сакват» (Саранпаульский с/с), «Неримово» (Ванзетурский с/с). К 2000 г. появились новые: «Рахтынья» и «Витхон» (п. Сосьва). «Север» (п. Ломбовож), «Кедр» (п. Сартынья), «Турват» (п. Ванзетур), «Квайкья» (д. Малеевка), «Нялк» (д. Анеево), «Устрем» (п. Устрем), «Пугоры» (п. Пугоры), «Сыгва» (п. Саранпауль). Эти общины существенно различались по численности (от 5 до 78 чел.), их этнический состав был неоднородным (наряду с манси, хантами, в них вошли коми-зыряне, русские). Деятельность родовых общин курировала районная администрация через Комитет по делам малочисленных народов Севера. Общины были созданы и в других районах округа. К сожалению, они не смогли адекватно решить основную хозяйственно-экономическую задачу того времени – организацию сбыта продукции традиционных отраслей хозяйства. Деятельность общин развивалась благодаря системе дотаций, а сейчас за счёт грантовой поддержки. В контексте данной статьи важно то, что родовые общины организовывались на волне демократического подъёма для развития традиционных отраслей хозяйства коренных народов Севера и сохранения их традиционного образа жизни, культуры. Значимым моментом было то, они создавались на «исконных» землях коренных народов, где проживали предки. Поэтому этнические лидеры, да и не только они, воспринимали их как «родовые территории», имеющие духовную ценность.

Наряду с общинными проектами идею самоуправления КМНС в ХМАО предлагалось воплотить через создание так называемых «этнических статусных территорий» (ЭСТ). Группой этнографов во главе с А. В. Головнёвым было разработано два проекта – для Северной Сосьвы и Казыма [6; 16]. Эти проекты предусматривали самоорганизацию коренного населения в территориальных рамках сельских советов, где проживало смешанное население. Заказчиками проектов была районная администрация. Они предполагали учёт локальных хозяйственно-культурных особенностей и разработку на их основании концепций социокультурного развития отдельных территориальных этнических сообществ. Концепция создания ЭСТ оказалась нереализованной.

Нужно обратить внимание на то обстоятельство, что процесс «родовизации» в 1990-х годах был не только ставкой на традиционное хозяйство, но и средством урегулирования отношений с нефтяными компаниями, работающими на территории округа. Одними из первых этнические лидеры обратили внимание на острые экологические проблемы, порождённые нефтегазовым освоением региона. Проблемам взаимоотношений коренных народов с промышленными компаниями посвящены работы Н. И. Новиковой [10; 11]. В Сургутском и Нижневартовском районах случались противостояния владельцев РУ с нефтяниками [11, 180–191]. Важно то, что в ходе отстаивания своих интересов крепла солидарность КМНС, актуализировалось самосознание.

Наряду с общественным вниманием к вопросам традиционного землепользования, хозяйствования и самоуправления, в округе в конце 1980-х годов заметно оживился интерес к этнической культуре и истории коренных народов. Е. А. Пивнева подчеркнула, что «на постсоветском пространстве историко-культурное наследие коренных малочисленных народов Севера стало мощным фактором этнической мобилизации, превратилось в важный экономический и политический ресурс» [15, 88]. В ХМАО развернулось масштабное этнокультурное движение, инициируемое Ассоциацией «Спасение Югры». Стали проводиться многочисленные научно-практические конференции, посвящённые истории и культуре обских угров, мастер-классы по декоративно-прикладному искусству. Для этнической интеллигенции стало возможным выразить собственное понимание ценностей своей культуры, включая фольклор и языки. Подтверждением этому служит создание фольклорных архивов (города Ханты-Мансийск, Белоярский, Сургут, пос. Берёзово и др.), развернувших большую работу по сбору материалов, их сохранению и публикации. Были созданы фольклорные ансамбли из носителей хантыйского и мансийского языков («Аранг мощ-нэ», «Ешак най»). В округе, включая «нефтяные» города, велась просветительская деятельность по поощрению интереса к обрядовым традициям хантов и манси. Помню, как в начале 1990-х годов в посёлках играли так называемые «хантыйские» и «мансийские» показательные свадьбы. На них

приглашали официальных гостей, снимали на фото- и видеокамеры. К слову сказать, отношение коренных и местных жителей к такого рода мероприятиям не было однозначным, многие осуждали, высказывали предположение, что молодые люди, поженившиеся таким публичным способом, не будут счастливы.

Особо нужно остановиться на актуализации религиозных ценностей обских угров. Христианизация, а затем атеистическая пропаганда советских времён вытеснили обско-угорский шаманизм и традиционные религиозные культы, которые сохранялись как «пережитки». В 1990-е на волне «религиозного возрождения» они «вышли из подполья». Помню, как при открытии и закрытии различных форумов, конференций, фестивалей, которые часто проводились в окружной столице, других городах и посёлках, проводили обряды традиционные «окуривания»-очищения, нацеленные на обеспечение успешного проведения мероприятий и пожелание гостям удачной дороги. Новым явлением оказалось возрождение почти забытых праздников, таких как «День обласа», «Угощение луны», «День лося», «Вороний день» и т.п. Последний получил статус официального праздника в округе, утверждённого в 2011 г. законом как День коренных малочисленных народов Севера. Популярными стали Дни оленеводов, также вошедшие в число официальных праздников Югры. Значимым событием в процессе этнической мобилизации стало открытие в 1987 г. музея Торум-Маа, который через несколько месяцев развернул огромную просветительскую и научно-исследовательскую работу, став местом притяжения этнической интеллигенции.

Знаковую роль в культуре хантов и манси играли Медвежьи игрища. Работа по их возрождению началась в конце 1980-х годов по инициативе Е. Д. Айпина и Ю. Н. Шесталова, затем продолжена Т. А. Молдановым [9]. Роль последнего как лидера-инициатора в деле возрождения Медвежьего ритуала освещена уральскими учёными [21, 144–145]. После подписания в 1997 г. распоряжения губернатора Югры «О поддержке самобытного народного творчества коренных народностей автономного округа – ритуального обряда «Медвежьи игрища» игрища в честь медведя стали проводиться в Югре регулярно и превратились в «новую старую» традицию.

Большое внимание в 1990-е годы уделялось этнической ориентации молодёжи, прежде всего школьников. Широкую известность имела культурно-антропологическая школа (КАШ) в пос. Казым Белоярского района, открытая в 1991 г. Концепция разрабатывалась представителями Главного управления образования администрации автономного округа (З. П. Тюменцева), Казымской общеобразовательной школы (О. А. Кравченко), Научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов (Е. А. Нёмысова), Московского независимого методологического университета (Ю. В. Громыко). В основе лежала идея о двух ступенях образования: I – родовая школа и форум общения, II ступень – взаимoadaptация традиционных и иных культурных моделей. На двух уровнях выражалась установка на приоритет этнических культурных ценностей. Учащиеся казымской школы вначале овладевали традиционной культурой, а затем выходили на неотрадиционный уровень [6, 102–106]. Значимую роль в приобщении школьников к этнической культуре обских угров играли (и продолжают играть) летние этнографические лагеря или этнические стойбища. Первый такой лагерь «Мань Ускве» был создан в 1994 г. в мансийской деревне Ясунт Березовского района. Вскоре этнические стойбища появились в других районах [15, 87].

Благодаря активной этнопросветительской деятельности изменился статус традиционных культур хантов и манси: если в советские времена они соотносились с определениями «отсталые», «консервативные», «периферийные», то в 1990-е годы их начали называть «уникальными», «самобытными». Они стали официальными и получили поддержку от региональных и местных органов власти. В немалой степени повышению статуса этнических культур способствовали международные связи (общественно-политические и научные) с представителями родственных финно-угорских народов (Венгрия, Финляндия, Эстония) и индейцами (США, Канада).

Этническая мобилизация предполагает эмоционально-ценностное отношение к прошлому, которое воображается и конструируется представителями этнической интеллигенции. Подтверждением этому являлась апелляция к прошлому в музейной работе, деятельности

фольклорных архивов, исследованиях учёных Югры, активно развернувшаяся в 1990-е годы. Показательным примером возросшего уровня самосознания и самоопределения хантов и манси было пожелание, высказанное Т. В. Волдиной, о создании памятника «князю» Самару в середине 1990-х годов. Идея была реализована в 2010 г. установкой памятника Основателям Ханты-Мансийска.

Обсуждения и заключения

Представленные в статье материалы показывают, что этничность коренных народов Югры, «дремавшая» в советские годы под «Марш энтузиастов» и нивелировавшаяся интернациональным сознанием, внезапно и громко «пробудилась». Более того, в конкретных условиях ХМАО она быстро превратилась в мощный созидающий фактор. Обско-угорская этническая мобилизация выражалась не в массовых протестных движениях, а в групповых и персональных креативных инициативах. Главной политической силой мобилизованной этничности выступили общественные организации округа, прежде всего Ассоциация «Спасение Югры», объединившей наиболее активную часть интеллектуальной этнической элиты. Действия, направленные на этническое самоутверждение и самоопределение, развернулись в разных направлениях: решение вопросов землепользования и экологической безопасности в условиях интенсивного нефтегазового освоения, развитие оленеводства, создание родовых общин как особых органов хозяйствования и самоуправления, мощное этнокультурное движение, поддержка родных языков, возрождение традиционных праздников. Созидательная активность объединила и сплотила представителей коренных народов округа, в результате чего появилась новая внеэтническая идентичность – представители хантов, манси, лесных ненцев стали называть себя «коренными», «аборигенами». Во время полевых исследований 2017 г. выяснилось, что эти названия не воспринимаются уничижительными ни представителями хантов, манси, ни официальными лицами. Можно сказать, что термин «аборигены» вошёл в лексику всего населения Югры. Концепт «индигенности» («аборигенности») в современном академическом дискурсе

признается недогматичным, гибким, он определяется разными факторами [23; 24; 25; 26].

В этой связи нужно вспомнить о том, что, по мнению учёных, интеллигенция не только является основным носителем этнического самосознания, но и в значительной степени сама его конструирует [3; 18]. Применительно к народам Севера А. В. Головнёв заметил, что «номенклатура малых народов сложилась из реальной этнографии, но с вкраплением политических и персональных предпочтений»

[1, 4]. В конце XX столетия предпочтения этнолидеров ХМАО–Югры определялись общественным подъёмом и ориентацией на индигенность как инструмент в политике. Феномен «коренных» утвердился в процессе нацеленной на самоутверждение этнической мобилизации конца 1980 – 1990-х годов, когда происходила институционализация аборигенности, поддерживаемая различными публичными институтами (административными, правовыми, образовательными, масс-медийными).

Список источников и литературы

1. Головнев А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.
2. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
3. Дробижева Л. М. Роль интеллигенции в развитии национального самосознания народов СССР в условиях перестройки // Духовная культура и этническое самосознание наций / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М: АН СССР, Институт этнологии и антропологии, 1990. Вып.1. С. 83–100.
4. Дудек Ш. «А в лесу тоже надо жить»: о культурном потенциале и устойчивости оленеводов Сургутского Приобья в меняющихся условиях // Материалы III научно-практической конференции «Север России: стратегии и перспективы развития». Сургут: Сург. гос. ун-т, 2017. С. 85–94.
5. Информация по исполнению Закона Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 07.07.2004 № 44-оз «О развитии северного оленеводства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2013 и 2014 годах. URL: [https://www.dumahmao.ru/povest/povest_4705\(1\)/50/3.pdf](https://www.dumahmao.ru/povest/povest_4705(1)/50/3.pdf) (дата обращения: 18.04.2019).
6. Касум-Ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории / отв. ред. А. В. Головнёв. Шадринск: Исеть, 1993. 112 с.
7. Кошелева Е. Ю. Этнические движения коренных малочисленных народов Севера на рубеже XX–XXI веков: Западносибирский регион: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. 264 с.
8. Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. 152 с.
9. Молданова Т. А. Из истории возрождения хантыйского медвежьего праздника в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Язык и фольклор коренных народов Севера. 2016. № 2 (31). С. 117–125.
10. Новикова Н. И. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3 (11). С. 102–111.
11. Новикова Н. И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.
12. Общественная организация «Спасение Югры». URL: <http://spasenieugry.ucitizen.ru/> (дата обращения: 18.04.2019).
13. От патернализма к партнёрству (строительство новых отношений народов Севера и государства) / отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: РАН. Дальневост. отд-ние, 1998. 198 с.
14. Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: дисс... доктора ист. наук: Новосибирск, 2017. 515 с.
15. Пивнева Е. А. Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 85–89.
16. Северная Сосьва (Исторические и современные проблемы развития коренного населения) / Отв. ред. А. В. Головнёв. Шадринск: Исеть, 1992. 75 с.
17. Соколова З. П., Новикова Н. И., Ссорин-Чайков Н. В. Этнографы пишут закон // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 74–86.
18. Соколовский С. В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М.: [б.и.], 2005. Вып. 11. С. 144–167.
19. Этническая мобилизация и этническая интеграция / Сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. М.: РАН. Центр по изуч. межнац. отношений ИЭиА им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1999. 397 с.

20. Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы. / Под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭиА РАН, 2007. 316 с.
21. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам уральской этноэкспедиции) / Головинёв А. В., Перевалова Е. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 142–148.
22. Balzer M. M. *The Tenacity of Ethnicity. A Siberian Saga in Global Perspective*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. 326 p.
23. De la Cadena M. *Indigenous Cosmopolitics in the Andes: Conceptual Reflections beyond 'Politics'* // *Cultural Anthropology*. 2010. № 25 (2). Pp. 334–370.
24. *Indigenous Cosmopolitans: Transnational and Transcultural Indigeneity in the Twenty-first Century* / Ed. M. C. Forte. New York: Peter Lang, 2010. 223 p.
25. Neizen R. *The Origin of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity*. Berkeley: U. Cal. Press, 2003. 272 p.
26. Starn O. *Here Come the Anthros (Again): The Strange Marriage of Anthropology and Native America* // *Cultural Anthropology*. 2011. № 26 (2). Pp. 179–204.

References

1. Golovnyov A. V. *Etnichnost': ustojchivost' i izmenchivost' (opyt Severa)* [Ethnicity: sustainability and changeability (experience of the North)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2012, no. 2, pp. 3–12. (In Russian)
2. Guboglo M. N. *Yazyki etnicheskoy mobilizacii* [Languages of ethnic mobilization]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., 1998. 816 p. (In Russian)
3. Drobizheva L. M. *Rol' intelligencii v razvitii nacional'nogo samosoznaniya narodov SSSR v usloviyah perestrojki* [Role of intelligentsia in development of national consciousness of the peoples of the USSR in conditions of perestroika]. *Duhovnaya kul'tura i etnicheskoe samosoznanie nacij* [Spiritual culture and ethnic identity of nations]. Ed. by L. Drobizheva. Moscow: AN SSSR, Institut etnologii i antropologii Publ., 1990. Vol. 1. pp. 83–100. (In Russian)
4. Dudek Sh. «*A v lesu tozhe nado zhit'*»: o kul'turnom potenciale i ustojchivost iolenevodov Surgutskogo Priob'ya v menyayushchihsya usloviyah [«You should live also in forest»: about cultural potential and sustainability of the reindeer herders of the Surgut Ob region in the changing conditions]. *Materialy III nauchno-prakticheskoy konferencii «Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya»* [Proceedings of the III scientific-practical conference «The North of Russia: strategies and prospects of development»]. Surgut: Surgutskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2017, pp. 85–94. (In Russian)
5. *Informaciya po ispolneniyu Zakona Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry ot 07.07.2004 № 44-OZ «O razvitii severnogo olenevodstva v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge – Yugre v 2013 i 2014 godah* [Information on the implementation of the Law of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra dated by July 07, 2004 No. 44-OZ «About the development of Northern reindeer husbandry in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in 2013 and 2014»]. Available at: [https://www.dumahmao.ru/povest/povest_4705\(1\)/50/3.pdf](https://www.dumahmao.ru/povest/povest_4705(1)/50/3.pdf) (accessed April 18, 2019). (In Russian)
6. Kasum-Yoh. *Materialy dlya obosnovaniya proekta etnicheskoy statusnoj territorii* [Kasum-Yokh. Materials for justification of the project of ethnic status territory]. Ed. by A. Golovnyov. Shadrinsk: Iset' Publ., 1993. 112 p. (In Russian)
7. Kosheleva E. Yu. *Etnicheskie dvizheniya korennyh malochislennyh narodov Severa na rubezhe XX–XXI vekov: Zapadnosibirskij region* [Ethnic movements of indigenous people of the North at the turn of the XX–XXI centuries: West Siberian region]. Tomsk, 2003. 264 p. (In Russian)
8. Martynova E. P., Pivneva E. A. *Tradicionnoe prirodopol'zovanie narodov Severnogo Priob'ya (po materialam Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga)* [Traditional nature management of the people of the Northern Ob region (on materials of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 2001. 152 p. (In Russian)
9. Moldanova T. A. *Iz istorii vozrozhdeniya hantyskogo medvezh'ego prazdnika v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge – Yugre* [From the history of the revival of the Khanty Bear's Holiday in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra]. *Yazyk i fol'klor korennyh narodov Severa* [Language and folklore of the indigenous people of the North], 2016, no. 2 (31), pp. 117–125. (In Russian)
10. Novikova N. I. *Korennye narody rossijskogo Severa i neftegazovye kompanii: preodolenie riskov* [Indigenous people of the Russian North and oil and gas companies: overcoming risks]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2013, no. 3 (11), pp. 102–111. (In Russian)

11. Novikova N. I. *Ohotniki i neftyaniki: Issledovanie po yuridicheskoy antropologii* [Hunters and oilmen: Study on legal anthropology]. Moscow: Nauka Publ., 2014. 407 p. (In Russian)
12. *Obshchestvennaya organizaciya «SpasenieYugry»* [Public organization «Yugra Rescue»]. Available at: <http://spasenieugry.ucitizen.ru/> (accessed April 18, 2019). (In Russian)
13. *Ot paternalizma k partnerstvu (stroitel'stvo novyh otnoshenij narodov Severa i gosudarstva)* [From paternalism to partnership (formation of new relations between the peoples of the North and the state)]. Ed. by A. Pilyasov. Magadan: RAN. Dal'nevost. otd-nie Publ., 1998. 198 p. (In Russian)
14. Perevalova E. V. *Obskie ugry i nency Zapadnoj Sibiri: etnichnost' i vlast'* [The Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and power]. Novosibirsk, 2017. 515 p. (In Russian)
15. Pivneva E. A. *Instituty i praktiki «etnovosstanovleniya» u narodov Zapadnoj Sibiri (po obsko-ugorskim materialam)* [Institutions and practices of «ethno-recovery» among the people of Western Siberia (based on Ob-Ugric materials)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2016, no. 5 (43), pp. 85–89. (In Russian)
16. *Severnaya Sos'va (Istoricheskie i sovremennye problemy razvitiya korennoy naseleniya)* [The Northern Sosva (Historical and modern problems of development of the indigenous population)]. Ed. by A. Golovnyov. Shadrinsk: Iset' Publ., 1992. 75 p. (In Russian)
17. Sokolova Z. P., Novikova N. I., Ssorin-Chaykov N. V. *Etnografy pishut zakon* [Ethnographers write the law]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1995, no. 1, pp. 74–86. (In Russian)
18. Sokolovskij S. V. *Instituty i praktiki proizvodstva i vosproizvodstva etnichnosti* [Institutions and practices of production and reproduction of ethnicity]. *Etnometodologiya: problemy, podhody, koncepcii* [Ethnomethodology: problems, approaches, concepts]. Moscow: [w/p], 2005. Vol. 11, pp. 144–167. (In Russian)
19. *Etnicheskaya mobilizaciya i etnicheskaya integraciya* [Ethnic mobilization and integration]. Ed. by M. Guboglo. Moscow: RAN. Centr po izucheniyu mezhnacional'nyh otnoshenij Instituta etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya Publ., 1999. 397 p. (In Russian)
20. *Etnologicheskay aekspertiza: Narody Severa Rossii. 1985–1994 gody* [Ethnological expertise: Peoples of the North of Russia. 1985–1994]. Ed. by Z. Sokolova, E. Pivneva. Moscow: Institut etnologi i antropologii RAN Publ., 2007. 316 p. (In Russian)
21. Golovnyov A. V., Perevalova E. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. *Etnoproekt, ili personalizaciya etnichnosti (po materialam ural'skoj etnoekspedicii)* [Ethno-project, or personalization of ethnicity (based on materials of the Ural ethno-expedition)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical bulletin], 2016, no. 4 (53), pp. 142–148. (In Russian)
22. Balzer M. M. *The Tenacity of Ethnicity. A Siberian Saga in Global Perspective*. M. M. Balzer. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. 326 p. (In English)
23. De la Cadena M. Indigenous Cosmopolitics in the Andes: Conceptual Reflections beyond 'Politics'. *Cultural Anthropology*, 2010, no. 25 (2), pp. 334–370. (In English)
24. *Indigenous Cosmopolitans: Transnational and Transcultural Indigeneity in the Twenty-first Century*. Ed by M. C. Forte. New York: Peter Lang, 2010. 223 p. (In English)
25. Neizen R. *The Origin of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity*. Berkeley: U. Cal. Press, 2003. 272 p. (In English)
26. Starn O. Here Come the Anthros (Again): The Strange Marriage of Anthropology and Native America. *Cultural Anthropology*, 2011, no. 26 (2), pp. 179–204. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартынова Елена Петровна, профессор кафедры истории и археологии, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 125), доктор исторических наук.

ep_martynova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1132-2286

ABOUT THE AUTHOR:

Martynova Elena Petrovna, Professor of Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (300026, Russian Federation, Tula, Lenina pr., 125), Doctor of Historical Sciences.

ep_martynova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1132-2286